

ЛЕПЕСТКИ ПИОНА: К ЮБИЛЕЮ НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА «ХВАЛЫНСКИЙ»

...Высокий худой человек в серой косоворотке работал в своем кабинете. Солнце еще не зашло, и не было нужды зажигать керосиновую лампу. Поблескивали очки, перо быстро бегало по бумаге, редкий раз запинаясь, если нужное слово по-русски не находилось сразу. Человек — седой, немолодой, болезненного вида — хмурился и жевал губами. Письмо было непростым, тема — важной, а уж ему, ботанику, казалось и вовсе на уровне мироздания. Но как-то примут это косные бюрократы от науки, возвращенные советской властью?

Ученому было что сказать о жизни здесь, была и своя боль утраты, но слишком много сил и лет он отдал России. А уж этот тихий городок на великой Волге давно стал ему домом.

В его письме, урожденного немца, в Академию наук СССР меж русских и латинских слов проглядывало восхищение. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, и он помнил свое изумление при первом взгляде на белые проплешины среди зелени. Геология не была его сильной стороной, но позже при работе в музее пришлось многое выяснить: например, что здешние холмы — это дно древнего, исчезнувшего миллионы лет назад моря, они из ме-

ла, образовавшегося из спрессованных годами слоев мелких ракушек. Недаром он сотоварищи в своих экспедициях находил отпечатки раковин на высоте под две сотни метров над уровнем моря! Мел холмов слепил в солнечный день глаза. Какой простор для исследований! Сколько изумительных в своей приспособляемости растений предстоит описать и представить научному сообществу. А эти луга и склоны, усыпанные желтыми, белыми, розовыми, сиреневыми цветами, золотистыми метелками и зонтиками и переливающиеся на ветру! С радостью, приправленной толикой горечи, — годы берут свое, вспомнились весенние дни, когда на голый, еще холодной земле расцвела синяя, как речная гладь, сонтрава, и когда уже буйствовала молодая зелень, аромат цветущих яблоневых садов проникал везде и всюду; лето, когда изводили жара и насекомые, свистели потревоженные у нор сурки, цвели пастьельно-желтые кисточки копе-

ечника; осенью клены краснели от первых заморозков и желтели, если не попали под них, а сосны, впившиеся могучими корнями в мел, все так же качали зелеными мохнатыми лапами. А как поражали его, в молодости занимавшегося орхидеями в Варшаве, местные орхидные — скромные, не такие затейливые, как их заокеанские родственники, но яркие и наделенные сходной способностью выживать! Такими же удивительными были растения, сохранившие свой облик и особенности с доледниковых времен. Ледяной холод уничтожил их родичей севернее, а тут эти реликты процветали и развивались рядом с новыми видами.

Жаль, в сутках мало времени! Самому ему пришлось бы затратить куда больше усилий на поиски растений, что встречаются здесь согласно атласу Маевского, если бы не бесценная информация местных жителей. Иногда он

про себя поругивал их, но не мог не ценить за полезные знания об округе.

А ругать было за что. Они не видели в природе ничего, кроме источника топлива, пищи и места выпаса скота. До сих пор сердце прихватывает, как вспомнятся козы, топчущие поле тонколистного пиона, и непонимающие лица пастуха и подпаска. А власти городские? Им только полезные ис-

копаемые подавай, а до того, что в этих местах сформировано уникальное растительное сообщество, и дела нет...

Перо сердито скрипнуло, и осталась клякса. Ученый вздохнул и продолжил писать: о необычности здешнего края, необходимости сохранить его для потомков, а если не для них, то хотя бы для науки. Он понимал, что на все нужно время и что при жизни, скорее всего, он никаких подвижек в этом направлении не увидит. Но его долг — заявить, что есть такая задача, а уж в высших научных кругах еще остались здравомыслящие люди. Он посмотрел на огромный гробсбук, содержащий итог его ботанической деятельности в меловом краю, и решительно подписал письмо: «К. Ю. Гросс».

...Мы не знаем, что на самом деле думал ботаник Конрад Юльевич Гросс, — мемуаров он не оставил, переписка не сохранилась, и все вышеизложенное — только фантазия, как могло быть... Но с тех пор в деле охраны природы произошло много существенного и важного. Нашлись люди, повторившие и подхватившие призыв Гросса, и уже всем известно, какой полноводной рекой разлился ручеек мысли ученого. В 1994 году в Хвалынском районе был создан Национальный парк «Хвалынский». И вот уже 30 лет его сотрудники ведут природоохранную деятельность. Благодаря им вы, наши земляки, можете с гордостью заявить: «Единственный национальный парк в Поволжье — у нас!».

**Методист отдела
экологического просвещения
НП «Хвалынский» О. Капитанова**